

Торф

Пожар

Возле конторы стояли рабочие-торфяники, читали объявление о выдаче зарплаты. Я наддел очки и тоже стал разбирать бумажку. с. 487

— Стекла приставил и видит, — сказал один торфяник, — как умственно!

Очкам не удивится даже самый серый мужик. Очки были поводом выразить неприязнь к новому человеку. Это особенность русского быта: неприязнь к новому.

— А по какому делу вы тут смотрите?

Я сказал, что приехал по поручению газеты.

Не успел я выговорить эти слова, как все эти рабочие окружили меня и стали жаловаться на плохую выпечку хлеба и на разное другое.

С этого времени все стали звать меня рабкором, и от этого мне плохо не стало: в рабочей среде я сделался желанным человеком, а половинка кирпича в затылок из-за куста, как настоящему рабкору, здесь, в государственном предприятии, мне не угрожала.

Но я не только совсем корреспондент. Меня интересует и просто болото, непроходимое, невылазное. Какой-то задор берёт меня пролезть в неизвестное, и потому я называю свои записки исследованием. с. 488

Извините меня, — раз уж *исследование*, то надо было начать с какого-нибудь предисловия. А теперь я перехожу прямо к своим рабкоровским болотным приключениям.

Есть известная сказка о Берендеевом царстве. И учёным известно, что некогда было озеро Берендеево. Теперь же на месте Берендеева царства и озера лежит болото с богатейшей залежью торфа: четыре с половиной тысячи десятин [4 916 га] торфа с глубиной, в среднем, на две сажени [4 м]. В сторонке от болота, на его высоком берегу — железнодорожная станция Берендеево.

Сюда я приехал издали на лошадях с тем, чтобы оставить тут где-нибудь свои необходимые для болотного путешествия вещи, съездить по делам в Москву, а потом вернуться и начать свои наблюдения.

Возле станции был торговый посёлок.

Я спросил, нет ли тут постоянного двора.

— Нет, — ответили мне, — у нас такого нет ничего, каждый живёт сам по себе.

— Я спросил о столовой, — пообедать.

— И этого нет, — ответили, — у нас харчуются всяк в своём доме.

— Что же у вас есть для других?

— Для других у нас есть только два пассажирских поезда.

После того меня повели к одному странноприимному человеку, какому-то Сергею Порфирьевичу.

Когда мы вошли в его избу, то с печки послышался жалобный голос и поднялась голова, как бы у воскресающего Лазаря, вся обвязанная погребальными платами. Это и была голова странноприимного Сергея Порфирьевича, страдающего мучительной зубной болью с флюсом.

**Пришвин, М. М.* Торф / *М. М. Пришвин* // *Пришвин, М. М. Собрание сочинений: В 8 т. / М. М. Пришвин; подготовка текста и комментарий А. А. Макарова. — М.: Художественная литература, 1983. — Т. 3: Произведения 1924—1935 годов. — С. 487—503.*

Здесь я оставил свои вещи, отправился в Москву, переделал там тысячу дел, и, когда через неделю вернулся к торфяным разработкам, мне казалось — целая вечность прошла. Но вечность прошла, а Сергей Порфирьевич, оказывается, лежит в совершенно том же положении на горячей печке.

— Сергей Порфирьевич, — сказал я, — да вы бы, чем так мучиться и терять золотые дни, зуб-то бы выдернули.

— Пробовал два раза, — ответил мученик, — два раза обломали и не выдернули.

— Кто ломал?

с. 489

— Фершал.

— Чем ломал?

— Ключом.

Я иду к фельдшеру, обслуживающему тысячу рабочих торфяной разработки Владимирского треста.

Первая комната в барачной больнице была совершенно пуста, в другой стояла единственная лавка, в третьей на табуретке сидел седой фельдшер и фильтровал болотную воду через вату из четверти Госспирта в банку из-под варенья. Воронка была огромная, какие употребляются при разливе пива из бочек в бутылки. Две или три табуретки — была вся мебель больницы.

Фельдшер был похож на колдуна, почему-то работающего йодом. Он показал мне журнал, и оказалось, что за полтора месяца торфяной разработки было смазано йодом около тысячи человек.

Мне объяснили, что причиной бедственного положения амбулатории был спор между трестом и здравотделом, во время которого больница была как бы без хозяина. Но я мало понял из этого объяснения.

По пути из больницы в контору — направо и налево бараки, мужские и женские, целая улица, и всё пусто, потому что все на работе. С высоты, бывшей берегом умершего озера, открывается вид на болото — дно этого озера, теперь покрытое мелкими соснами, частыми, как конопля. Там, далеко, в середине разделанной поляны, были машины, маленькие отсюда, как журавли, когда они ранним утром выходят побродить по болоту.

Жарко и очень сухо. Грачи и галки сидят с раскрытыми клювами. Вдали на журавлиной поляне показывается дымок, усиливается, растёт и растёт. Слышатся тревожные свистки всех машин. Из конторы выбегает кто-то с биноклем, смотрит и приказывает:

— Все на пожар.

Люди схватывают висащие на бараках огнетушители и бегут на болото.

Мне пришлось бежать по клюквенной тропе за рабочим с огнетушителем. Выло вязко и жарко. Солнце палило сверху, снизу распаривало болото, всей силой гудели слепни.

с. 490

Мы бежали как-то наперерез огню версты три. Ветер был не особенно большой, и мы скоро настигли огонь. Тут собрались другие рабочие с огнетушителями, но главная сила тушения была у множества женщин, которые макали метлы в канавы и пристёгивали огонь.

В общем поверхностный пожар на этот раз не причинил вреда, но сколько богатств сгорает у нас каждый год всегда при наступлении сухой погоды!

Кто не помнит из нас этот дым, через который солнце глядит, как через закопчённое стекло. И знаете, сколько сгорает добра: количество теплотворности одной десятины торфа толщиной, как в этом болоте, в среднем две сажени равняется теплу от шестидесяти десятин [65,6 га] леса. Значит, какие же богатства спят в этих необозримых наших болотах, и что это будет в стране, когда организованный труд человека разбудит эту спящую красавицу?

Так вот с пожара начались мои болотные наблюдения, и я этим доволен: подход вышел непреднамеренный, а это очень важно при такого рода исследованиях жизни путём личного опыта. Я воспользовался этим случаем и тут же, на болоте, перезнакомился с людьми и машинами.

Атланты

Ненадёжна дощечка, положенная на шпалы узкоколейки: то вдруг окажется, что это не дощечка, а горбыль, полукруглый с другой, невидимой стороны, ступишь — горбыль обернётся, и нога провалилась; а то бывает, ступишь на край, а другим концом доска тебя по лбу. И так идти версты три до первой машины и до последней вёрст пять. И всё-таки эти дощечки — благодеяние сравнительно с тропой на сырой, вязкой торфяной массе очень плохо осушенного болота.

Вот этот путь от барака к машине в три, в четыре и даже в пять вёрст [5 км] является серьёзной величиной при учёте рабочим условий труда на том или другом болоте. Этот путь рабочего, час туда и час назад, как в нашем случае, не входит в состав десятичасового дня при выработке нормы в тысячу кирпичей торфа на одного человека.

Мне дали в конторе точную справку о сносе лаптей с учётом прохода в этих лаптях от барака к машине. Назвали одну разработку с меньшим переходом и дали цифру расхода лаптей там: пересчитав расход с поправкой на наше расстояние, мы получили совершенно одинаковую цифру сноса лаптей на работе там и тут.

Вот теперь и задумаешься об иных чудесах организации производства: в отношении сноса лаптей существует самый точный учёт, а расход живой силы человека на этом же пути, на том же расстоянии не принимается во внимание.

Я признаю при сезонной работе в два-три месяца необходимость десятичасового рабочего дня с нормой в тысячу кирпичей на человека, но если сноска лаптей от барака к машине учитывается, то расход человеческой энергии на вертящихся горбылях должен же как-нибудь тоже учитываться!

Иногда малые причины имеют огромные последствия. Из таких малых причин и сложилась беда этого сезона: везде ломались артели.

Так пишет своему куму один торфяник:

«Иван Петрович, в первых строках моего письма... а у нас машина рядом с бараком, будет тебе ноги ломать, гони к нам».

Иван Петрович читает письмо товарищам, те складывают это с другими мелочами, и вот артель «воткнула лопаты». Пока сформируется новая артель, трест потеряет на простоях машины в десять раз больше, чем на оплате часов прохода рабочего по горбылям и дощечкам к машине.

Дико болото, часто заросшее низкими корявыми соснами, утомительно однообразно; потому, когда открывается вдруг простор поляны, разделанной руками человека для выработки торфа, становится радостно, и далёкие машины с трубами кажутся журавлями, бродящими по открытой поляне. Даже частые свистки, подгоняющие бегунков с вагонетками, похожи не на свистки локобиля, а на трели огромных куликов.

Есть в тех же торфяных разработках машины, поражающие своей освободительной силой. Такие машины приняты при гидроторфе, где торфяная масса разжижается, всасывается машиной и прямо выливается для сушки.

Но недобрые и недалеко ушли от природы элеваторные машины, принятые в болотах, не обеспеченных массой воды, необходимой для гидроторфа. Не считая некоторого, сравнительно небольшого, подъёма торфяной массы, эти машины берут на себя более лёгкую часть всего труда по добычанию торфа: перемешивают его и формуют, выдавливая через свои мундштуки.

Машина стоит на поверхности, как барыня, спустив вниз свой шлейф-элеватор, а люди внизу на двухсаженной глубине в чёрной воде канавы, называемой карьером, лопатами с железными насадками режут чёрную, насыщенную водой массу торфа и, тяжёлую, швыряют на элеватор машины.

Итак, не машины совершают самую важную, питательную часть производства, а эти подземные люди, стоящие иногда по колено в грязи, облепленные то слепнями, то комарами, люди с огромной грудной клеткой, с выпирающими мускулами, похожие на сказочных атлантов, подпирающих земной шар.

Все эти люди, похожие на атлантов, не первой молодости, их мускульное сознание достигло необходимой мудрости в экономии энергии, не позволяющей делать лишних движений. Сила деревни, сила природы выперла таких гигантов труда.

с. 491

с. 492

Торфмейстер дал мне справку об их работе: каждый из этих карьерщиков, закидывающих в элеватор торфяную массу, ежедневно поднимает около тысячи пятисот пудов [24 571 кг] на высоту в среднем одного аршина [0,7 м].

Подняв голову из-под земли, один из атлантов спросил меня, кто я такой, и когда я ответил, что от газеты, все нижние, стоящие по колено в чёрной воде атланты, не оставляя работы, в один голос сказали:

— Сапоги, сапоги!

Их ноги были обуты в брезентовые бахилы, пропускающие воду. Я очень обрадовался точности требований, и мне казалось — этого-то уж мне будет нетрудно добиться. Но когда я стал о сапогах говорить где надо, выяснилось, что раньше всегда сапоги выдавались, и никто никогда из атлантов ими не пользовался: сапоги бережно хранились на время обратной поездки в деревню.

Только уж когда этот факт был установлен повсюду, сапоги заменились брезентовыми бахилами, которые предохраняли ногу всё-таки больше, чем простые портянки.

Так вот и оказалось, что даже в таких, кажется, совершенно ясных обстоятельствах бывает очень трудно помочь человеку, деревенскому атланту.

Карьер

В Берендеевском болоте залежь торфа очень глубокая, в среднем на две сажени [4 м], но достать в большинстве случаев можно только половину, потому что болото плохо осушено, и на глубине вода заливает вырываемую яму.

с. 493

Верхний слой ещё не совсем разложившегося мха — не ценное вещество, как торф, и у нас бросается, но оно обладает высокими свойствами всасывания жидкостей, за границей используется как отличная подстилка скоту, из неё делается торфяной порошок, уничтожающий запах в отхожих местах.

Чем глубже, тем торф смолистее и дороже как топливо, и там, где работа у нас останавливается вследствие плохой осушки болота, как раз и начинается самый ценный торф.

Карьерщики, эти атланты, поднимающие в день на высоту аршина тысячу пятисот пудов торфяной массы, стараются залезть в торф как можно глубже, и, если бы возможно, они добрались бы до самого дна, потому что мелкая выработка требует более частого продвижения машины, — значит, потери времени, необходимого для выработки нормы в тысячу кирпичей на человека.

Самое продвижение машины примитивно, канатами. При мне в одно только продвижение два раза лопались пеньковые канаты, потом связывались. Проволочка времени меньше часа в расчёт не принимается, а сверх часа оплачивается только в том случае, если вина была не со стороны рабочих. Но часто трудно бывает установить, кто виноват, и отсюда вытекает главный поток всяческих недоразумений.

Рабочим, конечно, было бы много лучше работать в сухом болоте и выбирать торф до дна. Иногда им и удаётся погрузиться довольно глубоко, и вдруг кто-нибудь кричит: «Вода!»

Фонтан бьёт иногда из-под низу, а то, бывает, прорвётся где-нибудь сбоку. Рабочие стараются закидать фонтан торфом. Кто-нибудь приминает прямо ногами.

Но обыкновенно за одним фонтаном начинает бить другой, третий. Тогда скорее лепят перемычку в карьере, чтобы эта вода, наполнив карьер, не перелилась к дальше копаемой яме.

И вот так, по мере продвижения машины вперёд, сзади неё остаётся река, разделённая перемычками. Когда река будет доведена до конца расчистки болота, параллельно ей ведётся другая река, другой карьер, разделённый с первым *бровкой*.

Сняв потом перемычки и бровки, можно после разработки оставить на месте прежнего болота озеро, пригодное для разведения рыбы.

с. 494

Можно воду спустить по магистрали, осушить и опять разрабатывать до дна, ещё осушить и получить после разработки прекраснейший луг.

Только у нас обыкновенно до сих пор после первой выработки болото бросалось, и на нём становилось хуже, чем было.

Хорошо осушенное болото — вот счастье производства и выгода рабочего: рабочий ищет, где суше болото.

А ещё важно рабочему, чтобы в его карьере было как можно меньше пеньков, корчаг и других древесных остатков, требующих для выборки очень много времени, за которое никто ничего не заплатит. На одном и том же Берендеевском хорошем болоте карьеры всё-таки очень разные: в одном все возятся с пнями и корнями, в другом карьере при другой машине рабочие режут торфяную массу без перерыва, как хлеб.

Надо бы, кажется, разбираться в этих условиях и назначать разные нормы. Я этого не видел.

Я ходил от карьера к карьере, расспрашивал рабочих, не попадалось ли им в торфе скелетов каких-нибудь животных или остатков орудий и утвари первобытного человека.

Несомненно, что это болото было дном большого озера, что по озеру на плотках плавали первобытные рыбаки и часто роняли в воду разные вещи: сосуды, орудия лова, защиты; под этим огромным слоем торфа, отлично сохраняющего в себе животные остатки, могла бы найтись своего рода Атлантида неолитического человека.

Но нет, атлантам, работающим в карьере, не было времени сосредоточивать своё внимание на постороннем, главное же, об этом им никто никогда не говорил, и, если бы им и попались под лопату кремнёвые орудия и черепки от сосудов, они бы не придали им никакого значения.

Всё-таки в одной артели мне рассказали, что однажды на глубине двух сажен они нашли корову в полной сохранности, с мясом, и шерсть у неё была рыжая. Но как только корова была вынута из недр торфяной массы и немного полежала на воздухе, сейчас же началось разложение с очень сильным зловонием. Тогда рабочие столкнули её обратно в карьер и залили водой.

Сколько лет эта корова лежала погребённой в торфу? Торфмейстер хорошо знал это болото и место, где корова была найдена. Это место, по его словам, было закончено в торфообразовании, как и другие места этого болота, и утонуть корове в недавнее время было нельзя.

с. 495

Но возможно, что это место было затянато торфом после других, в позднейшее время, в таком случае корова пролежала под торфом немного, всего лет двести.

Я не специалист в археологии и мало знаю о консервирующей способности торфа, не знаю даже, может ли сохраниться в торфе скелет утонувшего в озере первобытного рыбака. Мне смутно припоминается, будто где-то я читал о ценных находках в карьерах.

Староста, у которого я расспрашивал о найденной корове, был очень взволнован моим коротким рассказом о тайнах земли, даже сами атланты внизу, в карьере, непрерывно втыкающие в торф свои лопаты с железной накладкой, повёртывали сюда свои потные лица, забывая сгонять с них насевших слепней и потыкушек.

Я схватил этот момент оживления на грубых лицах людей, погребённых в болотной грязи: что могло быть для них интереснее знания, направленного как раз в точку приложения ими своего повседневного тяжёлого труда?

Всякая специальность углубляет человека в предмет, и специалисту необходимы очки общего знания, соответствующие его специальности.

Вот это до сих пор плохо понимают наши культурники, идущие к рабочим с темами вне сферы применения ими своего труда: непременно же надо подходить к ним изнутри, чтобы знание казалось усталым рабочим людям солнечным светом.

Артели

Обслуживание рабочими торфяной элеваторной машины резко разделяется на работу в карьере внизу и работу наверху, после того как масса вылезает из мундштука машины бесконечным пирогом с квадратным сечением.

Подняв торф, заброшенный в элеватор карьерщиками, машина перетирает массу, перемишивает, прессует и выдавливает переваренную пищу.

С одной стороны вылезавшего из мундштука машины пирога стоит мальчуган — *разлипало*, дело которого состоит в том, чтобы подкладывать под пирог дощечку определенной длины: одну за другой, весь день.

с. 496 На другой стороне выходящего пирога против разлипалы стоит такой же юноша — *секач*, он рассекает пирог по размеру подложенной разлипалом дощечки и на каждой дощечке отсекает длину торфяных кирпичей.

Точно размеренные, определённые ходом машины движения двух мальчуганов вызывают в памяти образ мальчика, которому надоело делать однообразные движения и он придумал маленький фокус и сделался изобретателем современной паровой машины. В этом случае для устранения мальчигов не нужно быть даже гениальным.

Немало весит этот пирог из сырого торфа, разделённый секачом и устроенный на дощечку разлипалом, но *приёмщик* живо схватывает его и устраивает на вагонетку.

Торфмейстер дал мне расчёт: приёмщик в день перекладывает семь тысяч пятьсот пудов — значит, всё-таки меньше по весу, чем работа атлантов внизу. [122 854 кг] Только здесь требуется большая живость, и согласно с этим в приёмщиках мы видим людей более молодых.

А ещё более молодые люди — возчики вагонеток, проворные *гонщики*, или *бегунки*. Они катят по рельсам вагонетки с торфом вначале с большой натугой, потому что нагрузка всё-таки сорок—пятьдесят пудов [819 кг], но потом их гонит сила инерции, бегут, сдают свой груз настильщикам, и потом уже с пустыми вагонетками мчатся во весь дух обратно к машине.

Машинист зорко смотрит за их работой и, чуть только случится заминка, — даёт свисток. Благодаря посвистыванию и вообще всему ходу машины, требующему непрерывного подвоза вагонеток, эти гонщики пробегают в день по пятнадцать вёрст [16 км] с грузом в сорок—пятьдесят пудов и пятнадцать вёрст порожняком.

Вот этот весь процесс работы, от выхода торфяной массы из мундштука и вплоть до стилки, при электрификации совершенно выпадает: там дощечки с торфом движутся по тросам на место стилки и пустые по тем же тросам возвращаются обратно.

Последний этап работы мужской артели при машине — стилка.

Стильщики принимают торф с вагонеток и настилают его для сушки по карте. Тут десятник отмечает в своей книжечке цифру выходящих кирпичей, и эта цифра администрации потом встретится с цифрой артельного старосты.

Вся мужская артель при машине состоит из тридцати человек: карьерщики 12, секач 1, разлипало 1, сьемщики 2, бегунки 7, стильщики 6 и староста 1.

с. 497 Меня изумил один староста своим знанием политграмоты. Это был обыкновенный деревенский мужик, а между тем он говорил свободно о Большом и Малом Совнаркоме.

Словом, староста был тем же самым, что рядчик в землекопных артелях, тоже человек разбитной, умеющий обойтись со всякими учреждениями и лицами. Этот староста — душа артели.

Во время производства он вертится волчком. Несколько раз, бывало, при разговоре со мной он замечал усталого человека в карьере, бросался в яму, как коршун, брал у него лопату и работал всё время, пока тот отдыхал. А то раз, когда во время перевозки машины часть рабочих села покурить, он довольно резко крикнул на них:

— Эй, вы, полдёнщина!

С другой стороны, когда один бегунок зашиб себе ногу, староста отправил его в больницу, хотя бегунок сопротивлялся и хотел только отдохнуть. Он и ругается, и жалеет, и заботится о всей жизни артели. Но душа артели — староста — находится под вечным контролем тела — артели, и при малейшем нездоровье души тело восстанавливает себе новую душу совершенно так же, как пчелы восстанавливают себе утраченную матку.

Там, где-то в глубине Брянских лесов, в деревнях Жиздринского уезда, вырастают эти крепкие организации рабочих землекопов и торфяников.

Туда зимой приезжает вербовщик от треста, заключает договор с артелью.

Вот и не надо смотреть на эту серую массу, будто она совсем безразличная. Я знаю одного старосту, который двадцать лет был при своей артели, и за двадцать лет все её члены остались на своих местах так же, как этот староста. Можно же себе представить, какая за двадцать-то лет должна была выработаться стойкая рабочая ячейка!

В этом году в торфяном деле огромный спрос на рабочие руки, но, несомненно, в этом году дорого обойдётся трестам торфяной кирпич, и вот именно вследствие пертурбаций в рабочих артелях, в которые, вследствие спроса на рабочие руки, влилось много рабочих, никогда не державших в руках торфяную лопату.

Заведующий торфяной разработкой мне говорил, что в артелях встречались столяры, плотники, даже портные, и раз один из них задал такой вопрос:

— Для чего к торфяной лопате приделывается железная насадка?

Нужно считаться с привычками этих странствующих артелей: они привыкают к определённой машине из года в год, привыкают к болоту, и пусть лучше брянские проедут во Владимирскую губернию, где им привычно, а владимирские — куда-нибудь подальше, чем стали бы мы в перевозке самовольно распределять артели к ближайшим местам их родины. А так, мне говорили, в этом году сделал Госторг и, конечно, этим сильно расшатал рабочую дисциплину артелей.

с. 498

Неправильный подход

Мужские артели на торфе работают, если машина хорошая, в две смены, каждая по шесть часов. Если машина не позволяет две смены, то работают в одну, и такая машина-односменка считается желанной, потому что на ней другая смена не дожидается, не торопит, и можно, затянув рабочий день, вернее выработать норму в тысячу кирпичей на человека, или же тридцать тысяч на артель.

Женские артели, рамки, каждая в двадцать человек, работают совершенно отдельно от мужских артелей и непосредственно совсем не связаны с работой машины. Их дело — корчёвка, полировка карты после корчёвки, потом они перевёртывают подсыхающие кирпичи на другую сторону, складывают в собачки, в пятки, в клетки малые и большие и, наконец, в штабеля.

Нехитрая работа этих артелей, но, конечно, утомительная, потому что приходится всё время работать наклонившись, имея вид животного на четырёх ногах.

Женская рамка делает свои уроки в десятичасовой день: каждая женщина за такой день при условии выполнения урока получает один рубль двадцать копеек, на своих харчах.

Редкая из этих девиц, вернувшись к себе в деревню, отдаёт из своего заработка что-нибудь в семью, нечего отдавать: она проела заработок, а остаток истратила на свои наряды.

Все эти девушки, природные торфушки, не стесняют себя в еде.

Работая на воздухе, они упражняют свои мускулы, поражают своим животным здоровьем и озорством. Сначала кажется, что эти торфушки как бы особая порода женщин, но это кажется только: все они развёртываются только здесь, на свободе, вдали от глаз родной деревни, а когда вернутся домой, там, в деревне, удалая торфяница затаивается, закрывается всей церемонией деревенского быта и становится совершенно как все.

с. 499

Мне слишком много натолковали о крайне грубых нравах женских барачков, и по тому, что я видел, меня не поразило особенно. Я видел, как молодая торфяница после работы, здорово наевшись, легла на свою нару: лежит, закинув под голову руки; влетает «соловей», садится у её ног и начинает играть на гармонии.

Я видел, как там и тут ребята бросали гармони и начинали возиться с девицами. Сопровождавший меня конторщик, сочувствующий моей охоте за материалами, тихонько подталкивал меня, считая такую возню за высшее проявление цинизма любви.

Но я, житель деревни, нисколько не смущался этим, потому что возня, сопровождаемая визгом девиц, совсем ещё не говорит об испорченности.

Другое дело, когда молодые люди из артели, разные секачи, разлипалы, настильщики, затаиваются и остаются ночевать в бараке. Но я думаю, это всё-таки не так часто бывает. Ночуют, и много ночуют, на воздухе, в складках крутого болотного берега, густо заросшего дубами, липами и берёзами.

Говорят, если позабавиться и пустить туда вниз катиться кирпич наугад, ничего не видя, кроме кустов, то непременно в кого-нибудь попадёшь, и там сильно заругаются.

Женотдел этим очень встревожен. Время от времени является делегатка («уговорщица»). Вот она, прочитав лекцию в читальне о женских болезнях, в праздничный день, когда весь

женский барак кипит страстью, как самовар, смело входит туда. На неё, как и на всякого, не обращают никакого внимания. Она идёт в самую гущу, где визг и возня, и говорит молодой торфянице:

— Смотри, он тебя обманет!

Девушка подымает голову, оправляет волосы. Парень-секач озадачен.

— Он тебя непременно обманет.

Секач велит:

— Вставай, Лизка, пойдём на волю.

Вечером мы сидим на лавочке у того самого обрыва, куда забавники скатывают кирпичи. Нас трое: торфмейстер, конторщик и я. Мы обсуждаем случай с Лизой.

с. 500 — Неправильный подход, — говорит торфмейстер. — Я этой Лизе однажды сказал: «А если ты в деревню ребёнка привезёшь?» — «И хорошо, — отвечает, — нам ещё землицы прирежут».

— И новорождённый, — спросил я, — потом непременно сделается торфяником?

— Обязательно, — сказал торфмейстер, — в этой деревне все торфяники.

— Неправильно, — воскликнул конторщик.

Мы не могли понять у конторщика, что было в этом неправильного: какой-то смутный человек был конторщик, может быть, и с большими мыслями.

Торфмейстер видел этих торфяников на месте их происхождения: в этой деревне двадцать лет тому назад было только семнадцать дворов, а теперь стало пятьдесят, и все торфяники. Там рождается ребёнок, это не просто человек родился, а в то же время и торфяник, и, значит, торфяница непременно рождает торфяника или торфушу.

— Отсталость, неправильно! — взревел конторщик.

— Факт остаётся фактом, — ответил торфмейстер. — Тоже вот, неподалёку отсюда есть село бондарей, и там рождаются только бондари. Есть маслбойщики, и тоже размножаются как маслбойщики исключительно. Есть сёла портных, башмачников, сапожников, каменщиков, плотников, дегтярников, металлистов, чего-чего только нет! Вся центрально-промышленная область состоит из таких промышленных сёл, люди бродят отсюда во все стороны, ищут работы в городах, на фабриках, а то просто разбредаются по далёким деревням и там ходят из двора во двор. Но куда бы они ни зашли, непременно, как перелётные птицы, они вернуться к местам своего гнездования и там произведут непременно: каменщик — каменщика, портной — портного, башмачник — башмачника, торфяник — торфяника.

— Товарищи, это отсталость, вы неправильно подходите к человеку! — воскликнул конторщик так решительно, что мы обернулись к нему, с полным желанием разобраться в каком-то смущавшем его вопросе.

— Вы говорите, — сказал конторщик, — что от торфяницы рождается торфяник, а ведь торфмейстер же не может родиться от торфяницы?

— Почему же не может? Торфяник выучится и будет торфмейстером.

— Так это выйдет от науки: наука его сделает торфмейстером, а не торфяница.

с. 501 Мы вдруг поняли смутные мысли конторщика, и он очень обрадовался.

— Наука, — продолжал он, — великое дело. Если бы у нас больше науки было, так не рождались бы все непременно портными или торфяниками. Я считаю для человека это неправильным, ведь, может, ему не хочется быть портным или торфяником, а потому что он портной от рождения или торфяник, то всю жизнь за то и копай торф лопатой или шей френчи и клёши.

Огрехи

Однажды мы шли по отполированной карте. Заведующий торфяной разработкой наткнулся ногой на колышек, забытый корчёвщиками, и сделал замечание сопровождавшему нас председателю месткома. Через некоторое время мы опять наткнулись на колышек, и заведующий сделал ещё более резкое замечание.

Меня заинтересовало, чем же мог быть местком виноват в техническом деле, и мне ответили, что дело месткома следить за выполнением рабочими условий договора.

С этого момента спора из-за колышка, на который наткнулась нога заведующего, мне открылись глаза на чрезвычайно сложную цепь отношений рабочих, профсоюза и администрации производства, или, как теперь говорят, хозяйственников. На моих глазах эти отношения всё более и более обострялись, и кончилось тем, что две артели, из которых одна была самая лучшая, воткнули лопаты, и притом по-настоящему воткнули, с ожесточением.

Для понимания этой ссоры необходимо знать, что хозяйственники прошлый год на другом болоте немного опростоволосились с авансами. Болото это было очень пеньковое, на нём, вероятно, рабочим было трудно выработать норму.

Под предлогом нехватки зарплаты для существования в деревне семей в трудное время, когда новый хлеб ещё не созрел, рабочие попросили аванс и, получив, бросили работу и рассеялись по своим деревням.

Таким образом, лица администрации однажды уже промухоловили с рабочими и теперь были крайне осторожны с выдачей авансов.

В этом году происходит та же самая история: большинство артелей в первый месяц далеко не могли выработать норму, хотя болото было в этом году нормальное. Причина невыработки, по словам администрации, была главным образом в притоке, вследствие усиленного спроса на торфяников, неквалифицированных рабочих, никогда не имевших дела с торфом. По словам же рабочих, невыработка происходила от неготовности машин: ведь простой меньше часа, даже по вине администрации, вопреки правилу, не оплачиваются, а если ремень каждый час соскакивает и приходится из часа уделять четверть часа на устройство ремня, то сколько же рабочие терпят убытку? А ещё рабочие ссылались, что простой более часа будто бы часто приписывались вине рабочих и тоже не считались. Трудно решить, не имея точных данных и времени для спокойного разбирательства, какая сторона была более виновата.

с. 502

13 июня должна была производиться выдача зарплаты почти за полтора месяца, значит, если считать норму заработка по два рубля пятьдесят копеек на человека, всего выходило около ста рублей. Но за вычетом аванса по пятнадцати рублей и содержания рабочим приходилась совсем ничтожная сумма, чуть ли не по пяти рублей на человека.

Рабочие отказались получать эту зарплату и потребовали аванса по сорока рублей на человека, а когда оказалось, что авансы в этом году не выдаются совсем, то сделали свой подсчёт простоев и потребовали зарплату в том же размере.

Администрация, опасаясь расстройств производства, отвечала уклончиво, рабочие подождали немного и воткнули лопаты.

А ведь это торфяники — всё деревенская беднота. И всё-таки, несмотря ни на что, эти люди, выслушав красноречивые слова председателя месткома, постановили на собрании отдать часть своего заработка бастующим горнорабочим Англии: торфяники ведь тоже принадлежат к союзу горнорабочих.

Что же случилось? Куда девалась готовность жертвовать своим близким интересом ради достижения общей цели? Случилось то, что бывает даже с очень хорошими поэтами: вдруг в разгар творчества заболит живот, и поэт бросает перо.

Мы отправились в барак с председателем месткома. Он сказал:

— Вы, товарищи, все были в Красной Армии, многие из вас были ранены, из-за чего же боролись?

Молчат.

— Мы создаём рабочее государство и все для этого чем-нибудь жертвуем, а вот вы воткнули лопаты.

— Не вереди душу, — ответил одноглазый торфяник, — перестань говорить о государстве, одно дело государство и другое дело наш день.

с. 503

— А зачем же вы воткнули лопаты?

— Потому что я, носящий худой лапоть, имею в душе обиду и муку.

Тогда вдруг всё прорвалось, и все с разных сторон стали высказывать свои обиды. Злоба и обида навёртывали в один ком важное и неважное.

...Я не мог дожидаться, чем кончится спор. Мне, впрочем, ясно, что эти артели уедут, но это же не все артели, на место уехавших найдутся другие, а простой машин потом, при выходе кирпичей, как-нибудь скалькулируют, и огрехи закроются. Вопрос, конечно, сколько

таких огрехов и не влияют ли эти невидимые причины в совокупности серьёзно на цену топлива и электрификации?

Вот очень бы хорошо описывать рабкорам не только случаи, а вести бы на местах, складываясь в кружки краеведения, постоянные исследования местных условий производства, доступные всем в меру здравого смысла совести. Накопление такого рода знаний могло бы очень облегчить работу высших руководящих органов.